

Обсуждение «Энциклопедии эпистемологии и философии науки»

В.А. ЛЕКТОРСКИЙ,
Б.И. ПРУЖИНИН,
И.Т. КАСАВИН И ДР.

Дискуссия об Энциклопедии эпистемологии и философии науки (под ред. И.Т. Касавина. М., 2009) состоялась в феврале 2010 г. по инициативе редколлегии журнала «Вопросы философии». Мы публикуем ее фрагменты в собственной редакции, сделанной по первоначальной расшифровке аудиозаписи, в результате чего настоящий материал может отчасти не совпадать с текстом, планируемым к публикации в «Вопросах философии». Мы надеемся, что заинтересованное, критическое, но, главное, вообще ЧТЕНИЕ Энциклопедии будет способствовать развитию этой отрасли философского знания. Энциклопедия – это проект, который будет развиваться в форме переизданий и изданий иного характера, и к продолжению этой работы приглашаются все заинтересованные и квалифицированные специалисты.

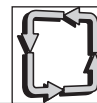
Участвовали:

В.А. Лекторский – академик, председатель редакционного совета журнала «Вопросы философии»

Б.И. Пружинин – доктор философских наук, главный редактор журнала «Вопросы философии»

И.Т. Касавин – член-корреспондент РАН, заведующий сектором Института философии РАН

В.Г. Кузнецов – доктор философских наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

С.А. Лебедев – доктор философских наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

В.Ф. Петренко – член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией Института системного анализа РАН

В.В. Пирожков – ответственный секретарь журнала «Вестник РАН»

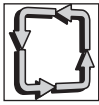
З.А. Сокулер – доктор философских наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

В.П. Филатов – доктор философских наук, заведующий кафедрой Российского государственного гуманитарного университета

И.Т. Касавин: Нам хотелось, во-первых, подытожить то, что было сделано, обобщить полученные результаты. Во-вторых, подумать о перспективах эпистемологических исследований и, наконец, в-третьих, провести своего рода эксперимент: получится или не получится подготовить такое издание своими силами. Насколько получилось – судить, конечно, не мне, но хотелось бы верить, что что-то значимое было достигнуто. Я убежден, что результат находится на уровне лучших зарубежных изданий, а в чем-то их и превосходит.

Несколько слов о ключевых терминах. Понятия «эпистемология», «теория познания» и «гносеология» рассматриваются в энциклопедии как синонимичные; под эпистемологией понимается как общеполитическое учение о познании, так и специальная эпистемология, нередко граничащая с конкретной наукой или идейным направлением (эволюционная, синергетическая, компьютерная, социальная, феминистская). В понятие «философия науки» включается методологическая рефлексия о научном знании, а также такие специальные области, как философия математики, философия физики, философия техники, философия языка, философия истории и т.п. В целом стояла задача не проведения жестких дисциплинарных границ, но демонстрации синтетических, междисциплинарных взаимодействий, характерных для современной науки и философии.

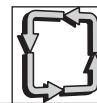
Современное расширение предмета теории познания идет одновременно с обновлением и обогащением ее методологического арсенала: эпистемологический анализ и аргументация начинают включать переосмысленные результаты и методы специальных наук о познании и сознании, естественных, социальных и культурологических дисциплин. Отныне не только философия выполняет методологическую функцию в отношении наук, но и сами науки (прежде всего социально-гуманитарного цикла) оказывают методологическое влияние на философию. Одним из многих примеров этого является перенос понятий – из психологии («деятельность», «гештальт», «бессознательное»), из этнографии («архетип», «традиция», «контекст»), из литературоведения и лингвистики («символ», «дискурс», «нарратив»), из когнитивных наук («сеть», «информация», «когнитивная карта») в теорию познания, для которой они становятся не менее важными, чем понятия истины или рациональности.

Таким образом, современная философия познания может выполнять свою функцию только во взаимодействии со специальными науками о познании – с логикой, когнитивными науками, а также социальными и гуманитарными дисциплинами, в той или иной мере связанными с изучением науки и познавательного процесса в целом. Междисциплинарность – лейтмотив эпистемологии. Поэтому мы стремились включать в энциклопедию такие статьи, в которых обсуждение фундаментальных эпистемологических проблем ведется на конкретном материале, в диалоге со специалистами из разных областей естественно-научного и социально-гуманитарного знания. Одновременно учитывалась необходимость обращения эпистемологов и философов науки к реалиям современных наук, а также перспектива включения ряда научных понятий в эпистемологический дискурс. Поэтому для Энциклопедии был подготовлен ряд статей по социальной философии, теории ценностей, культурологии, психологии, религиоведению, лингвистике, современной логике, когнитологии, а также статьи общенаучного характера, значимые для соответствующих философско-методологических исследований.

Тематика Энциклопедии, будучи специальной, одновременно весьма широка – от классических проблем эпистемологии, ее истории до самых современных тенденций; от философии и логики естествознания до методологии социальных и гуманитарных наук; от философской гносеологии до теоретической истории и психологии науки, социологии знания и научного познания, когнитивной психологии, антропологии и лингвистики. Самым разным подходам к анализу познавательного отношения – аналитическому, герменевтическому, феноменологическому, структуралистскому, трансценденталистскому и проч. – были предоставлены равные права. При этом редколлегия стремилась к сохранению рационально-критической, собственно философской установки, позиции трансцендентальной рефлексии, которая не только побуждает рассматривать всякий феномен в историческом и культурном контексте, но требует постоянной проблематизации достигнутого уровня специально-научных знаний и мировоззренческих стереотипов.

Итак, мы сегодня осознаем, что эпистемология призвана изучать не только научное знание, но все многообразие его типов. Это означает расширение, либерализацию философского дискурса. Однако крайности также недопустимы: элиминация науки из предмета эпистемологической рефлексии неизбежно ведет к элиминации самой эпистемологии. На фоне общемировой тенденции критического отношения к науке и технике защита идеи научной рациональности приобретает важный смысл. Эта идея относится к ценностям современной культуры, которая не может существовать без критического и рефлексивного мышления, без науки, дающей его образцы, без эпистемологии и философии науки, занимающихся их исследованием.

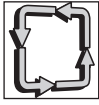

Философский анализ науки способствует возвращению науки к исторической и культурной реальности ее бытия, изменяя тем самым самосознание науки. Эпистемология и философия науки не утрачивают смысл в современном духовном универсуме, но для этого они должны постоянно выходить за узкие дисциплинарные рамки и расширяться до границ рационалистического философствования как такового.

Несколько слов о трудностях, с которыми мы столкнулись в процессе работы. Стоит напомнить, что Новую философскую энциклопедию готовил весь Институт философии РАН, не считая других организаций, которые были к этому привлечены. Мы же это делали в основном инициативной группой, и административный ресурс, как говорится, у нас был очень небольшой. Далее, выяснилось, что целый ряд тем, которые традиционно в российской философии науки разрабатывались, сегодня почти не привлекают внимания. Я имею в виду прежде всего философию естествознания. Очень мало людей осталось работать в этой области, и целый ряд статей было просто невозможно получить, а качество некоторых из полученных оставляло желать лучшего. Очень много говорится сегодня о когнитивных науках, науках нефилософских, изучающих познание, и нам хотелось подготовить большой куст статей на эту тему. Выяснилось, что это тоже нелегко: охотно говорят на эту тему многие, а написать энциклопедическую статью способны далеко не все. Относительно благополучно дело сложилось со статьями по эпистемологии и философии науки, которые касались классических направлений и понятий, отчасти потому, что такая работа уже была начата в рамках Новой философской энциклопедии.

Мы привлекли свыше 150 авторов, в основном, конечно, из Москвы, но также из ряда других городов России. Это были авторы разного уровня, разной степени готовности к написанию энциклопедических статей. Приходилось очень много с ними работать. К сожалению, издательство не могло быть серьезным помощником, потому что его возможности литературного редактирования этих статей, вообще организации издательского процесса ограничены. Ну и, наконец, финансовая проблема. Мы благодарны РГНФ за издательский грант, но подготовка текста, собственно исследовательская работа, в общем, не получила никакой государственной поддержки.

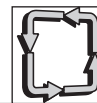
И последнее. Редколлегия будет признательна за все замечания, которые выскажут участники обсуждения, потому что мы заинтересованы в улучшении этой Энциклопедии, мы рассчитываем на то, что рано или поздно дойдут руки до ее переиздания. Поэтому я приветствую это обсуждение и благодарю за эту возможность Владислава Александровича, Бориса Исаевича и редакцию журнала «Вопросы философии». Мы в журнале «Эпистемология и философия науки» также собираемся опубликовать фрагменты этого «круглого стола».

В.Ф. Петренко: Объемный коллективный труд, которым является Энциклопедия эпистемологии и философии науки, не может появиться как Афина Паллада из головы Зевса, при оружии и во всем блеске великолепия. Можно высказать ряд замечаний по поводу архитектоники и наполнения энциклопедии. Так, не для всех базисных понятий выдержан чрезвычайно эвристичный принцип дополнения и дублирования статей авторами разных наук или стоящих на разных методологических позициях (что создает стереоскопический взгляд читателя на обсуждаемую проблему). Например, в Энциклопедии дается глубокая трактовка понятия «смысл» с позиции эпистемологии, логики и лингвистики, но не представлена психологическая версия этого понятия, дающая ключ к пониманию экзистенции. Не выдержан принцип «дополнительности» и применительно к базовому для данной Энциклопедии понятию «эпистемология» (хотя в этой статье приводятся различные, конкурирующие трактовки критериев нормативности познания). Во введении в Энциклопедию авторы-составители отмечают особенность данной энциклопедии, трактующей эпистемологию расширительно, не только как рефлексию по поводу научного знания, но и как осмысление форм опыта всей культуры, включая и формы донаучного, религиозного, житейского знания. Но определенные формы познания подразумевают необходимость эмоциональной включенности субъекта познания (как в искусстве, или же находящегося в измененных формах сознания, как в некоторых религиозных практиках). Например, некоторые практики познания в буддизме или суфизме требуют от практикующего вхождения в измененные формы сознания или погружения в медитацию. К сожалению, эти термины (измененные формы сознания, медитация, эмпатия и т.п.) и их содержание не раскрыты в данном труде.

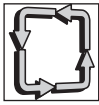
Тем не менее, несмотря на некоторые пробелы и огрехи, Энциклопедия вызывает удивление и восхищение фундаментальностью и эвристичностью представленного содержания.

С.А. Лебедев: Я выскажу несколько замечаний о концепции Энциклопедии, о ее названии, содержании и об оценке проекта в целом. Прежде всего я не согласен с представленной в Энциклопедии трактовкой как эпистемологии, так и философии науки. С одной стороны, эпистемология понимается в ней слишком широко и фактически отождествляется с гносеологией или общей теорией познания, что признают и сами авторы. Полагаю более правильным и более распространенным понимание эпистемологии лишь как одного из разделов гносеологии, а именно как философского учения о научном познании. С другой стороны, философия науки понимается составителями Энциклопедии, на мой взгляд, слишком узко, а именно как учение только о структуре и развитии научного знания. Закономерно поэтому, что все другие стороны структуры реальной науки, а именно ее онтологический, социальный, культурологический, деятельностно-прак-

тический, инновационный, антропологический аспекты оказались освещенными недостаточно. Это относится и к такому разделу философии науки, как философия естествознания. Исключение здесь составляет, пожалуй, лишь философия биологической науки, составленная из добротных статей В.Г. Борзенкова. В Энциклопедии отсутствуют статьи по таким важным категориям философии естествознания, как онтология, вероятность, структура, мир, макромир, микромир, энергия, симметрия, движение, эволюция, взаимосвязь, детерминизм, определенность, неопределенность, противоречие, противоречие диалектическое и другие. К сожалению, в Энциклопедии также отсутствуют статьи по целому ряду важнейших категорий гносеологии и эпистемологии, таких, как субъект, субъект познания, субъект науки, структура науки, структура научного знания, научное знание, научная истина, научный принцип, научная рациональность, научная критика, закономерности развития науки, бессознательное, чувственное познание, конкретная истина (хотя при этом термин «абстрактная истина» есть), автор (хотя термин «читатель» есть, но ведь читателя, как известно, без автора не бывает) и др.

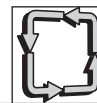
В то же время в Энциклопедии, заявленной под названием «Эпистемология и философия науки», имеется целый ряд статей, не имеющих прямого отношения к ее названию. Это статьи, посвященные раскрытию содержания таких понятий, как апофатическое богословие, чудо, забывание, магия, мантика, мечта, медитация, тайна, харизма и т.п. Для представленного в Энциклопедии содержания, наверное, более адекватным было бы название «Энциклопедия гносеологии» или «Энциклопедия гносеологии и эпистемологии». В любом случае философии реальной науки в ней явно не хватает. Исключение, пожалуй, составляет хороший блок статей по философии логики и математики, а также анализ ряда фундаментальных работ по общей философии науки зарубежных авторов, прежде всего постпозитивистов. Одной из центральных статей энциклопедии является статья И.Т. Касавина «Социальная эпистемология», в которой развивается принципиальное и верное, на мой взгляд, положение о социальном характере всего человеческого познания и его результатов, включая научное знание. К сожалению, это положение осталось в Энциклопедии реализованным не до конца. Ибо в ней отсутствуют такие необходимые для этого статьи, как «Культурно-исторические типы науки», «Социальная практика», «Отчуждение», «Опредмечивание», «Распредмечивание», «Идеология науки», «Свобода в науке», «Научный консенсус», «Утверждение истины» и др. В Энциклопедии явно недостаточное внимание уделено постструктуралистской эпистемологии, в которой справедливо подчеркивается не только социальный, но и субъектно-личностный характер любого дискурса. Эти моменты получили очень хорошее освещение в отечественных словарях по постструктурализму и постмодернизму, в частности в работах И.П. Ильина.

Я считаю, что в Энциклопедии в целом дана неверная оценка содержания реального вклада диалектико-материалистической философии в развитие современной гносеологии и философии науки. В частности, я имею в виду статью В.П. Филатова «Диалектический материализм», в которой вклад марксистско-ленинской диалектики в развитие теории познания представлен в отрицательном свете. На мой взгляд, это необъективно по отношению к высокому теоретическому уровню работ многих видных представителей диамата. Это тот же ранний Зиновьев, а также Копнин, Готт, Баженов, Тюхтин, Швырев, Омеляновский, Кедров и многие другие. Хорошо, что статья Филатова уравновешена в Энциклопедии гораздо более адекватной и сбалансированной в оценке диалектического материализма статьей Никифорова «Материализм и эмпириокритицизм». Кстати, и в самой Энциклопедии имеются статьи, написанные с позиции диамата. Это статья Ойзермана «Абстрактная истина», а также многие статьи Левина, Горского, Швырева и др.

Следующее замечание касается энциклопедического глоссария. В нем представлен вклад наиболее известных зарубежных и отечественных философов и ученых в гносеологию и философию науки. Это, несомненно, одна из инновационных и полезных частей Энциклопедии. И все же после ее внимательного прочтения остается ощущение некоторой предвзятости составителей в подборе персоналий глоссария. Особенно это относится к отечественным философам науки и гносеологам, имена которых всем хорошо известны. Так, в глоссарий почему-то не попали академик Фролов, член-корреспондент РАН Мелюхин, член-корреспондент РАН Спиркин, Готт, Омеляновский, Баженов, Гачев, Швырев и другие, чей вклад в философию науки и эпистемологию хорошо известен не только в России, но и за рубежом. Думаю, что при переиздании Энциклопедии указанный недостаток можно и нужно исправить.

В Энциклопедии имеется около 50 действительно фундаментальных статей по вопросам эпистемологии и философии науки, которые соответствуют самому высокому уровню современных мировых исследований в этих областях. Это яркие и глубокие статьи Касавина, Степина, Лекторского, Огурцова, Никифорова, Молчанова, Автономовой, Леонтьева, Федотовой, Непейводы, Аршинова, Юдина и других наших философов. Вообще подавляющее число статей энциклопедии, а их всего около тысячи, написаны весьма добротно, на высоком теоретическом и методическом уровне. И все же представляется, что было бы правильным во многих отношениях, если бы Энциклопедия вышла не в одном томе, а в двух разных, один из которых был бы посвящен вопросам эпистемологии, а второй – философии науки. Это связано с тем, что современная философия науки уже не является ни частью гносеологии, ни частью эпистемологии, ни даже частью теоретической философии в целом.

И.Т. Касавин: А что же это такое?

С.А. Лебедев: Сегодня это относительно самостоятельная область междисциплинарного знания. Современная философия науки в своих исследованиях сущности реальной науки, ее структуры и закономерностей развития опирается в равной степени как на категориальные ресурсы философии, причем всех ее разделов, а не только эпистемологии, так и на эмпирические результаты исследования реальной науки значительного числа науковедческих дисциплин – истории науки, социологии науки, культурной динамики науки, психологии науки, экономики науки, истории техники и технологии и др. Считаю, что без «замыкания» философии науки на содержание этих дисциплин невозможно получить адекватный образ современной науки, оценку ее реальных возможностей и перспектив развития.

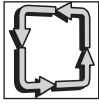
И.Т. Касавин: Выступление Сергея Александровича представляет позицию в отношении философии науки, которая расходится с позицией, представленной в Энциклопедии. Мы убеждены, что вообще-то это философская дисциплина, а не науковедение.

В.А. Лекторский: Конечно.

С.А. Лебедев: Она не науковедческая, а комплексная.

И.Т. Касавин: Это по-вашему она комплексная, а по-нашему она не комплексная. Это философское понимание науки и в первую очередь, конечно, научного знания. А то, что она взаимодействует с целым кустом науковедческих дисциплин, само собой очевидно. Но если вы хотите из теоретического ядра философии вытащить философию науки, то мы против этого возражаем. Это очень существенная часть философии, на мой взгляд. Наука и философия в этом отношении едины. Конечно, мы здесь не найдем взаимопонимания, поскольку наши позиции диаметрально противоположные. Я хотел бы еще раз зафиксировать это различие.

Мы исходили из того, что сердцевиной теоретической философии являются именно исследования в области эпистемологии и философии науки. Это не отрицает важности других философских дисциплин, но подчеркивает значение методологической составляющей философского мышления. Если стержнем мировоззрения, без сомнения, является система культурных ценностей, то ядром теоретической философии является критическая методологическая рефлексия, без которой невозможны ни концептуальное мышление, ни научное образование. Пренебрежение различием между мировоззрением и теоретическим мировоззрением, с одной стороны, и противопоставление философии и науки – с другой, чреваты утратой рационального отношения к миру. Мы объединили эпистемологию и философию науки, поскольку хотим, чтобы эпистемология питалась результатами философии науки в ее конкретном взаимодействии с науковедческими дисциплинами, а философия науки в свою очередь не утрачивала философского содержания.

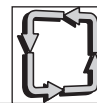

В.А. Лекторский: Если вы сейчас возьмете любой словарь по философии, где есть слово «эпистемология», там везде в скобках написано «теория познания». Это одно и то же. Это во-первых, а во-вторых, философия науки – это эпистемология науки на самом деле. Поэтому, Сергей Александрович, ваша трактовка философии науки, конечно, имеет право на существование, но то, что она самая распространенная, – я бы не сказал.

С.А. Лебедев: То, что философское и научное познание взаимодействуют в исследовании того, какова реальная наука и закономерности ее развития, в общем, понятно. Более того, мне представляется, что именно философия науки пытается объединить оба этих аспекта. Моя трактовка предмета и структуры философии науки действительно не совпадает со многими другими ее трактовками, в том числе с такой традицией, как позитивизм и постпозитивизм. И мой аргумент относится прежде всего к вопросу о том, какая философия науки нужна аспирантам для кандидатского минимума, ибо им важно знать (и они к этому стремятся), какова реальная наука, ее структура, какова методология научного познания, каковы реальные закономерности ее развития, а не те ее образы, которые разрабатываются философами с позиций того, какой наука должна быть и как она возможна.

В.Г. Кузнецов: Я сначала хотел бы сделать замечание по поводу того, что сказал Сергей Александрович. Наверное, все почувствовали крайность его точки зрения. Нельзя, конечно, считать, что философия науки и эпистемология – это два разных раздела знания, и говорить, что философия науки выделилась в самостоятельную дисциплину. Это раздел философского знания. Современная философия науки опирается на гносеологию и, несмотря на многие новации, является продолжением этой философской традиции. Это старый спор, только уже поставленный на новую почву, на новые достижения в логике, семиотике, вообще – в науке. А теперь несколько слов о самой Энциклопедии.

Философия науки давно стала самостоятельной философской дисциплиной, предметом которой является исследование науки как особой формы духовной и практической деятельности. В обсуждаемой Энциклопедии ставится и исследуется многообразие проблем, которые сопровождали становление философии науки. Рассуждения авторов по философским проблемам конкретных наук, исследования логической, методологической, психологической и социологической проблематики научного познания представлены на высоком уровне, убедительны с методической точки зрения, но, разумеется, требуют соответствующей подготовки читателей. Это большая проблема – на какой круг читателей рассчитывали авторы Энциклопедии? Я не думаю, что они создавали этот труд только для ученых. В настоящее время остро ощущается недостаток литературы по философии науки. Это связано, в частности, с тем, что в России введен кандидатский эк-

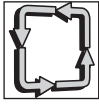

замен по истории и философии науки для аспирантов и соискателей всех специальностей. Возникла настоятельная потребность в подготовке научных и преподавательских кадров по этой дисциплине и сопровождении ее методическими материалами. Конечно, методическое обеспечение учебниками и учебно-методическими материалами имеется, но все-таки не в том объеме, который был бы достаточен для полного решения этой проблемы. Кроме того, учебники без теоретического их обеспечения являются лишь введением в проблематику истории и философии науки. В этом отношении Энциклопедия является научно-теоретическим базисом учебно-методической работы.

В Энциклопедии можно выделить три раздела: статьи по основным концепциям и направлениям эпистемологии и философии науки; рефераты первоисточников; персоналии. Что касается первого раздела, то здесь представлен действительно добротный материал. Мои критические замечания относятся не к содержанию статей, а к составлению словника. Во-первых, отсутствуют статьи, которые могли бы существенно дополнить специфическую информацию именно по философии науки, а не по философии вообще. К ним можно отнести: «персонализм», «витализм», «экзистенциализм», «космизм», «понимание», «агностицизм», «монизм», «дуализм» и др. Во-вторых, при наличии статей «индетерминизм», «идиографический метод», «логический позитивизм», «постпозитивизм» вызывает недоумение отсутствие статей «детерминизм», «номотетический метод», «позитивизм».

Второй раздел является безусловным достоинством Энциклопедии. Авторами отреферированы 159 первоисточников. Конечно, и здесь не хватает каких-то важных произведений. Но за то, что сделано, составителям Энциклопедии следует вынести особую благодарность.

И, наконец, относительно третьего раздела я хотел бы сказать следующее. В этой части Энциклопедии имеются досадные фактические ошибки и недостатки. И. Лакатос в глоссарии объявлен «сторонником кумулятивистской концепции К. Поппера». Однако известно, что они оба были противниками кумулятивизма (это слово почему-то пишется через «о» – «кумулятивизм»). Неверно указаны даты жизни С. Тулмина. Он умер 4 декабря 2009 г. (а не в 1998 г.). Неправильна формулировка теоремы К. Гёделя о неполноте (понятие неполноты почему-то характеризует процедуру доказательства, а не некую формальную систему). Г. Гельмгольц назван одним из авторов закона сохранения энергии, хотя известно, что он впервые дал математическую трактовку этого закона и указал на его всеобщность. Ф. Шлейермахер отнесен к предшественникам философской герменевтики. На самом деле он создатель универсальной герменевтики как теории постижения смысла текстов. Гейтинг назван «последователем Л. Брау» (на самом деле он был учеником и последователем Л. Брауэра). Названия многих непереведенных на русский язык первоисточников да-

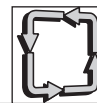
ны в русских переводах. Такая информация практически бесполезна. Не указана основная работа Я. Лукасевича «Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики». Евдокс объявлен автором теоремы об объеме «пирамиды конуса» (что это за фигура?). Дано одностороннее представление о Раймунде Луллии как только об основателе европейской арабистики. При наличии современных изданий сочинений Г.Г. Шпета в глоссарии указаны практически недоступные старые публикации.

Многие персоналии характеризуются очень кратко: годы жизни, государственная принадлежность, не понятно по какому основанию определяемая (иногда весьма странно, например, Чалмерс относится к американским философам; Э.Г. Юдин, П.В. Копнин и некоторые их современники представлены как российские философы, хотя в годы их жизни России как самостоятельного государства не было, а другие – как русские (например, М.К. Петров – русский философ), и профессиональная специализация без какой-либо конкретики (например, Смэтс Я. – южноафриканский политический философ; Рутковский Л.В. – русский логик; Мейер-Абих А. – немецкий философ, Лоренц К. – австрийский зоолог, Пылишин З. – канадский философ и мн. др.)). Такая информация – бесполезна, а иногда недосказанность подталкивает читателя к неправильному пониманию.

Кроме того, в глоссарии отсутствуют персоналии, без которых философию науки трудно представить. Например, труды и концепции Николая Коперника (кстати, Клавдий Птолемей в списке есть), П.С. Лапласа, У. Уэвелла, Т. Куна вносят непреходящий вклад в данный раздел философского знания, а о них ничего не сказано. Не испортили бы данный список сведения о Н.Я. Данилевском, Л.П. Карсавине, А.С. Лаппо-Данилевском и др. Не повезло многим отечественным философам науки советского периода. Приведенный С.А. Лебедевым список забытых имен можно было бы продолжить.

Завершая, я должен сказать, что в целом проект удачно воплощен в жизнь. И, несмотря на мелкие недостатки, представляет собой фундаментальный труд, который будет очень полезен для читателей.

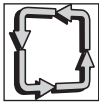
3.А. Сокулер: Прежде всего это издание своевременное. Для преподавателей это действительно очень ценная вещь. Потому что есть, конечно, «Философская энциклопедия», но это целых четыре тома, и в них что-то по философии науки есть, чего-то нет. А в данном издании все вместе. При этом у меня сложилось ощущение, что центральный блок тем и понятий все-таки туда попал. Честно скажу, что я не смогла прочитать все, как сделал Сергей Александрович, я просто смотрела то, что мне нужно было в данный момент. При этом бросилось в глаза, что, с одной стороны, хорошо представлен блок логики и философии математики. А именно, классической философии математики, ориентированной на проблематику оснований. Большинство статей написано Непейводой. Он очень хороший специалист, при

этом весьма живо пишет. Но он человек ангажированный, убежденный интуиционист. Боюсь, что большинство читателей не уловят то, что статьи ангажированные, высказывающие определенную позицию, притом что есть и другие. Но философия математики не сводится к разборкам между интуиционистами и формалистами, которые описал Непейвода. Имеются и другие направления в философии математики, например историко-культурное, представленное Барабашевым и др. Но в Энциклопедии их нет. Есть статья «Научная революция», но нет материалов обсуждения научной революции в математике. Нет никаких материалов об альтернативных (недарвиновских) теориях эволюции. Да и о дарвиновской теории эволюции материалов мало. Вот, например, статья «Адаптация»: к моему удивлению, там ни слова не сказано об эволюции. Теперь об общем принципе организации материала. Действительно, здесь не хватает именно того, что должно отличать энциклопедическое издание. У нас была школа советской энциклопедии, и, разумеется, были профессионалы, которые проверяли библиографию, написание фамилий, составляли указатели. В процессе работы такого объема, как обсуждаемая сейчас Энциклопедия, были необходимы люди, прошедшие школу подготовки энциклопедического издания. В первую очередь для энциклопедического издания необходим указатель. Что касается тезауруса, то я не была бы сторонницей такого блока, потому что пришлось бы тратить много времени, пытаясь угадать, в какой тематический блок, с точки зрения составителя, должна попасть та или иная статья. Поэтому оставим в покое тезаурусный словарь, но вот чего точно не хватает в обсуждаемом издании, что уж точно должно быть в энциклопедии, так это указатель. Вместо указателя присутствует глоссарий. Идея глоссария, насколько я могла понять, заключается в том, чтобы не повторять то, что уже много раз сказано. Идея замечательная. Если бы дальше шли указатели. Допустим, вы не стали давать в Энциклопедии отдельную статью о Конте. Вместо этого вы упомянули Конта в глоссарии – но дальше должны были бы следовать отсылки к статьям, в которых раскрываются идеи Конта. Тогда понятен был бы смысл глоссария, а вся Энциклопедия имела бы другой вид. Но этого, увы, нет.

Это первое, что обязательно следует учесть в следующем издании. Второе – взаимная отсылка на статьи. Так получается, что много повторов. Вот я начала читать с буквы «А» и там обнаружила интересную вещь: идет статья об абстракции, в которой содержится абзац про абстракцию неразличимости. Через несколько страниц идет отдельная статья «Абстракция неразличимости». Взаимные отсылки внутри статей есть только в тех случаях, когда один и тот же человек написал несколько статей, и он на себя, естественно, сослался.

Приходится отметить также проблемы с литературой к статьям. Наугад открываем любую страницу и скорее всего находим статьи во-

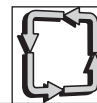

обще без списка литературы. У многих статей указана старая литература. Ну, понятно, что в статьях Швырева старая литература, но тогда, извините, это проблема редакции.

У составителей Энциклопедии явилась хорошая мысль давать статьи по отдельным классическим работам. Разумеется, нельзя сказать, что все основные или все заметные публикации по философии науки охвачены данной Энциклопедией. Думается, что полный охват практически невозможен, и хорошо уже то, что есть. А то, что есть, было бы просто замечательно, если бы в Энциклопедии существовал указатель или в глоссарии после упоминания данного философа было указано: «смотри вот эти работы». Статьи по отдельным книгам иногда очень хороши. Вот статья о книге Делёза «Логика смысла», написанная А.Ф. Зотовым. Очень хороший текст, у меня первый раз в жизни было ощущение, что я что-то понимаю относительно Делёза. Однако далеко не все статьи этого жанра достигают подобного уровня. Например, возьмем статью по поводу «Логики чистого познания» Германа Когена. Замечательно, что есть такая статья, но если посмотреть на нее внимательно, то там много цитат и цитирование доходит до сороковой страницы книги Когена. Понятно, что автор просто переписал введение к книге. А дальше идет абзац про все остальное содержание книги. В то же время только сейчас в «Вопросах философии» вышла очень хорошо написанная статья Тамары Борисовны Длугач о Когене. Жалко, что не она писала данную статью.

Хочу высказаться по поводу статьи «Лаборатория». Она заканчивается утверждением, что «устранение из концепций науки... предмета изучения, природы как независимой от человека, приводит в конце концов к устранению и субъекта: в лаборатории нет разницы между ученым и неученым, субъект-предметное отношение перестает играть свою первостепенную роль».

Конечно, Л.А. Маркова должна иметь возможность представить свое видение ситуации в философии науки. Но все-таки данное издание является энциклопедией, и в нем должно быть представлено либо более сдержанное и общепринятое мнение, либо отражена палитра разных мнений. Существует целое направление исследований лаборатории. Про лабораторию пишет Б. Латур, у которого совершенно другая позиция. Она обязательно должна была получить отражение в статье «Лаборатория». Кстати, замечательная черта этой Энциклопедии заключается в том, что авторы не стеснены требованиями относительно объема статей. Это очень хорошо. Ведь энциклопедия, в которой авторам даются жесткие лимиты на объем, может использоваться только как справочник. А издание, которое мы сейчас обсуждаем, можно читать и понимать. И при этом некоторые статьи состоят из двух-трех частей, написанных разными авторами, которые представляют разную точку зрения. Замечательно. Хорошо было бы сделать то же самое в статье «Лаборатория».

Далее, хочется отметить статью Харре «Философия сознания». Прочитала с большим интересом. Но много нареканий вызывает список литературы. В начале списка приведены работы Приста, Деннета, Сёрла на русском языке, в отечественных изданиях, а в конце списка даже Выготский идет в английском издании. Простите, что говорю о таких мелочах, но на самом деле это не мелочи, без них нет энциклопедии как жанра.

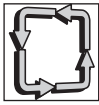
Еще некоторые замечания. Вот статья «Формы и материя» содержит странные утверждения, например: «Форма и материя – основополагающие философские категории, предложенные в классический период античной философии для разграничения противопоставления эмпирических и теоретических понятий». Дальше цитирую ту же статью: «Декарт доказывал субстанциональный характер формы и материи...»

И наконец, хочу сказать несколько слов относительно глоссария. Сам замысел замечательный, а исполнение, извините, оставляет желать лучшего. Прежде всего совершенно непонятен принцип отбора упоминаемых персоналий. В этом глоссарии по философии науки упоминается С. Кьеркегор, я не знаю, почему, тогда как нет Т. Куна.

Понятно, что работа над энциклопедическим изданием – титаническая. Обойтись без накладок тут сложно. Но ведь вышедший тираж составляет всего 800 экз. Ясно, что нашим преподавателям философии науки, не говоря об аспирантах, готовящихся сдавать экзамен по этому предмету, требуется гораздо больше. Второе издание необходимо. Именно в заботе об этом издании, собственно, мы и говорим обо всем этом.

В.В. Пирожков: Сказано уже много о достоинствах обсуждаемого издания. Говорилось и о предложениях, которые желательно учесть при подготовке второго издания Энциклопедии. Такое предложение позвольте озвучить и мне. Касается оно основания отделения вероятностных законов от законов динамических. Первые, как указывается в нашем издании, позволяют предсказывать наступление события лишь с некоторой степенью вероятности. Для отечественных энциклопедий такое заявление – новость, вызывающая недоуменные вопросы, в частности законы ли это в принятом понимании термина «закон» или нужно искать новое понимание термина?

Попытаемся соотнести это с тем, что, например, написано в статье «Наука». Цель науки – установление законов, которые позволяют практически преобразовывать объекты. Но можно ли преобразовать объект, опираясь на таким образом понимаемый вероятностный закон? И что такое тогда научная деятельность? Тогда она сводится к тому, что Петр Леонидович Капица в свое время в шутку расшифровывал как удовлетворение собственной любознательности за государственный счет. Будет ли общество поддерживать такую науку и таких ученых? Сомнительно. Ибо любое действие, основан-

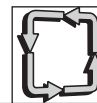

ное на знании законов, может быть успешным и безопасным, если оно использует причинно-следственные, детерминистские, а не вероятностные в предложенном понимании законы.

Между тем выражение «вероятностный закон» широко используется в нашей философской литературе, в том числе и в обсуждаемой нами Энциклопедии. Правомерно ли? В Философской энциклопедии, вышедшей в советский период, это выражение не используется. Применяется классическая схема – динамические и статистические законы. В последующие десятилетия статистические законы уже упоминаются с приставкой «вероятностно». А вот уже в Новой философской энциклопедии слово «статистический» исчезло. Догадка, что вероятностные – это старые добрые статистические законы, подтверждается и данной Энциклопедией, где сказано, что речь идет всего лишь о замене терминологии. Более того, предлагается новая классификация научных законов вместо старой – они теперь делятся на «детерминистические и стохастические», и слова «статистический», «вероятностный» и «стохастический» используются как синонимы. Замена терминов не так уж безобидна. Вносятся невольно и новые смыслы, приводящие к путанице. Статистический закон столь же детерминистичен, сколь и динамический! Если фиксируется некий определенный набор условий, ему будет соответствовать конкретная форма распределения признаков или объектов в выделенной совокупности или коллективе. Изменяется набор условий – с необходимостью изменяется и распределение. В философской литературе принято считать, что статистические законы тоже отражают необходимые связи природного и социального миров. В таком случае понятие «стохастический закон» оказывается пустым.

Слова «стохастический», «рэндомизированный» в естественно-научной литературе употребляются как синонимы слова «случайный». Предлагаемая здесь замена статистического закона на стохастический ведет к соблазну утверждать, что случай стал управляемым и управляется он законами вероятности. И такого рода утверждения уже появились. Сошлюсь, например, на Я. Хакинга, который объявляет «укрощение» случая и «эрозию» детерминизма одним из самых революционных изменений в истории человеческого разума в XXI в.

Откуда же тогда взялось предсказание со степенью вероятности? Вероятность появляется в случае использования для предсказания индивидуального события статистической информации. К примеру, падение монеты орлом вверх в предстоящем броске оценивается на основе частоты, с которой это событие случается в длинной предшествующей серии подбрасываний. Если частота появления орлов в этой серии равна $1/2$, тогда вероятность появления орла в следующем испытании равна $1/2$. Вопрос звучит так: всегда ли мы должны пользоваться только статистической информацией, предсказывая индивидуальное событие? Сторонники положительного ответа в конце кон-

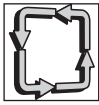

цов приходят к индетерминизму. И против этого восставали многие, в том числе и А. Эйнштейн, который писал, что индивидуальное событие не может описываться вероятностно. Есть ситуации, когда мы вынуждены в силу ограниченности знаний прибегать к вероятностным предсказаниям, но делать такого рода приемы правилом для исследователей нельзя. Идеал ученого – причинное описание. Возможно оно и для нашего примера с монетой – для достоверного предсказания необходимо зафиксировать начальные условия, подобрать их так, что появление орла оказывается постоянным. Так что так называемая эрозия детерминизма оказывается явно преждевременной.

Б.И. Пружинин: Все мы осознаем то состояние, в котором пребывает ныне философия науки. И понятно, что Энциклопедия в принципе, конечно, может помочь в преобразовании этого состояния во что-то более перспективное в исследовательском плане – помочь хотя бы уже тем, что отчетливо демонстрирует наличие разнонаправленных устремлений внутри предметно-тематического круга эпистемологии и философии науки. Но я хочу сказать сейчас о другом аспекте ее важности и острой актуальности в нашей стране – о ее просветительском аспекте.

Здесь уже говорили о подготовке преподавателей философии науки. Энциклопедическое издание в этом плане – важное подспорье. Но эффективное выполнение столь важной функции в свою очередь предъявляет к нему дополнительные требования, прежде всего связанные с объективностью подачи материала. И тут, как я понимаю, мы с Ильей Теодоровичем в одной упряжке. Я это потому могу так смело заявить, что во время работы над статьей «Философия науки» мы постоянно обсуждали детали и, что особенно важно в данном случае, старались вместить те пункты, где наши взгляды расходятся (и между собой, и с иными взглядами), в общий контур внутренне увязанной концептуальной сферы, в которой работают философы науки. Конечно, при этом обозначились натяжки, появлялась рекурсивность вместо концептуальной структурированности и проч. Но мы не стремились излагать свои взгляды на прошлое и будущее философии науки, а пытались очертить круг, где работают сегодня очень разные философы, считающие себя философами науки. Я, естественно, не думаю, что мы создали образец энциклопедической статьи, но, по моему глубокому убеждению, так должна в принципе ориентироваться и организовываться работа над подобными изданиями: обсуждение, ведущее к очерчиванию некоторого концептуально-терминологического поля, включающего в себя все релевантные позиции.

Я уверен, что данное издание будет продолжаться, ибо потребность в нем велика, и думаю, что при подготовке нового издания необходимо продолжить работу именно в этом направлении. Нужно преодолевать субъективные позиции и точки зрения, фрагментирующие поле исследований философии науки, не содержащие в себе явной отсылки к релевантным темам, описанным с иных позиций и в

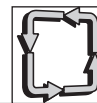

иной терминологии. Здесь уже говорили о статье «Лаборатория». Собственную концептуальную оригинальность в Энциклопедии, я думаю, надо все же минимизировать. Пытаться удалить ее полностью невозможно, да и не нужно: понятно, что пишут профессионалы, у каждого есть своя позиция, и, естественно, каждый автор как-то ее акцентирует. Но не следует забывать, для каких целей пишутся энциклопедические статьи.

Хочу подчеркнуть, в значительной части статей Энциклопедии это обстоятельство авторами учитывается – в них есть отсылки к статьям с близкой тематикой. Но системы взаимных отсылок нет и нет перекрестных терминологических указателей от статьи к статье. Это необходимо учесть в дальнейшей работе над Энциклопедией. Отчасти эту функцию в Энциклопедии выполняют, так сказать, собирательные статьи. Но они имеются отнюдь не по всем стержневым темам. Например, отсутствует статья «Критика научная», но есть статья о критическом волонтаризме – почему она нужна в энциклопедии по эпистемологии? Не вообще нужна ли, а конкретно – в данной Энциклопедии? Вот статья о книге Хюбнера «Критика научного разума» – конечно же, она хорошая, но несоразмерно большая в соотношении со статьями о других современных эпистемологах. Почему так, мне не понятно. Не совсем понятно мне и появление статьи «Ничто». Я ее читал и думал: статья прекрасная, профессиональная и, если напрячься, то, конечно, можно ее соотнести с философией науки. Ну и статью «Духовность» можно в принципе соотнести. Научное познание можно свести к познанию, познание к сознанию, сознание к ментальности, ментальность к духовности... А есть ли вообще что-либо, что в принципе нельзя соотнести с философией науки и эпистемологией?

Я полагаю, что энциклопедическую концепцию издания следует проводить более жестко. И думаю, что именно с этим связаны в своем большинстве высказанные сегодня претензии – по текстам некоторых статей, по подборке, по библиографии и проч. Не само по себе качество статей вызывает критику, авторы имеют право на собственный взгляд, но выполнение их энциклопедической функции.

Повторяю, я безусловно поддерживаю нужность издания этой Энциклопедии и готов выступить против любой попытки принизить значение проделанной работы. Но, на мой взгляд, всерьез обсуждать ее имеет смысл лишь в перспективе дальнейшего движения. А если двигаться дальше, двигаться к следующему изданию (800 экз. – смешной тираж с учетом сегодняшних образовательных функций философии науки у нас в стране), то надо опираться именно на стратегию философской фундаментальности энциклопедического издания, причем еще более радикально. В Энциклопедии должно быть больше эпистемологии, связывающей в единый круг все, что сегодня известно о научном познании, больше философии. Ведь именно на философском уровне только и может быть обеспечена связность рефлексии над наукой.

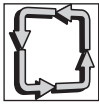

Мои взгляды на стратегию энциклопедического издания по философии науки прямо противоположны тому, что предлагал в своем выступлении С.А. Лебедев. Я подчеркиваю философичность этого издания. И это тем более важно, что философия науки оказалась последним, так сказать, уровнем в философской подготовке отечественных ученых. Вышло так, что она и должна брать на себя максимально возможную для нее функцию философского синтеза. Поэтому она и должна разворачиваться и излагаться у нас, особенно для не-философов, в качестве специфической презентации философии как таковой. И эта презентация не может и не должна подменяться социологическими, психологическими, науковедческими и прочими позитивными аспектами функционирования науки.

Вернусь к общей оценке: огромная работа сделана, причем работа уникальная – это первая попытка у нас издания такого рода. И главный позитивный смысл ее оценки состоит для меня в том, что у меня нет сомнения – ее надо продолжать.

В.А. Лекторский: Я тоже считаю, что это большое событие в нашей философии. Не только потому, что такого издания не было, а потому что оно очень своевременно. Дело не только в преподавании философии науки, но и в том, что в нашей философии эта тематика стала как-то уплывать, по крайней мере перестала занимать то место, которое должна была бы занимать. И мне кажется, что такое издание должно повернуть внимание многих наших философов (и не только) к этой тематике. Поэтому я высоко оцениваю издание и тот труд, который был проделан и авторами, и редакторами. А теперь – некоторые замечания. Я отвечал за определенный блок, обозначенный как «общие статьи». Вот спрашивают, почему нет статьи «Субъект». Я написал статью «Субъект». Куда она делась? Энциклопедия по эпистемологии без статьи «Субъект». Без многих статей можно было обойтись, там они просто лишние. А без этой нельзя. Но она куда-то исчезла. Ряд статей появился с добавлениями. Может, эти добавления нужны, но мне, как тому, кто отвечал за этот блок статей, эти добавления хотелось видеть раньше, а не тогда, когда уже вышла Энциклопедия. Мне была заказана статья «Генетическая эпистемология». Я написал ее. К ней добавлен маленький фрагмент, написанный Дмитрием Ушаковым. Когда я уже листал эту Энциклопедию, дошел до конца и вижу статью – «Эпистемология генетическая». Зачем? Это другая статья. И не понятно, почему эти статьи дополнительные. Есть статья, потом идет дополнение, где иначе излагается то же самое. Никакого нового взгляда на проблему нет.

Теперь насчет объемов и литературы к статьям. Во время обсуждения словников, а я в этом активно участвовал, предлагал свои термины, были поставлены жесткие ограничения по объему, большинство статей были маленького объема, и было сказано, что в таких статьях литературу указывать не нужно. Если статья большая, то нужно.

Так я и делал, т.е. в своих небольших статьях литературу не приводил. Потом обнаружилось, что у многих авторов и небольшие статьи снабжены литературой. Теперь что касается объемов. Иногда по некоторым темам дается очень много места, публикуются большие тексты, а по некоторым очень важным разделам даны небольшие статьи. Понятно, что этого трудно было избежать, тем более в первом издании такого рода, какие-то перекосы, конечно, неизбежны. Но на будущее это нужно иметь в виду.

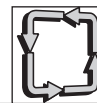
В связи с этим скажу насчет школ. Есть минская школа, новосибирская школа. Хорошо, а что, больше школ не было? В Москве была школа Щедровицкого, хорошо, что о ней написали. Но были и другие школы: Ильенкова, Библера! Что же вы их не заметили? Если уж пишем о бывшем Советском Союзе, была киевская школа логики науки. Это также надо будет иметь в виду при дальнейшей работе.

Сейчас говорят о взаимодействии эпистемологии с другими научными дисциплинами, изучающими познание. Да, но все-таки, когда мы пишем об этих науках, о науках вообще, то нужен именно какой-то философский подход к ним. Но вот я читаю статью «Алхимия». Это интересно, но при чем здесь Энциклопедия по эпистемологии и философии науки? Это просто рассказ культуролога. Таких статей много. Хорошие статьи по биологии. Но в них нет ни слова об эпистемологических проблемах. Просто рассказ о дарвинизме, о том, что такое биология. «Психология восприятия» – специальная статья, там излагается теория распознавания сигнала. Но там нет выхода на тематику эпистемологии.

Завершая, хочу сказать, что я высоко оцениваю это издание, а что касается недостатков, это не для того, чтобы как-то принизить то, что было сделано, а наоборот, чтобы учитывать то, что нужно сделать в будущем издании.

В.П. Филатов: Поскольку я участвовал в подготовке обсуждаемой Энциклопедии, мне не пристало ее оценивать, и я ограничусь несколькими репликами. Я уже много лет преподаю эпистемологию на философском факультете Российского государственного гуманитарного университета. И каждый год мне приходится говорить студентам, что у нас нет хорошего учебника по эпистемологии, а также специальной справочной литературы по этой базисной области философии. Возможно, учебник и не столь уж нужен студенту-философу, полезнее читать оригинальные тексты. Но наличие Энциклопедии, несомненно, поможет ориентироваться преподавателям, студентам и аспирантам в многообразной проблематике познания.

Существенно также, что это издание высвечивает состояние дел в эпистемологии и философии науки в нашей стране. Оно, на мой взгляд, неоднозначно. В общей эпистемологии и в основной проблематике философии науки дела обстоят относительно неплохо, здесь есть достаточно квалифицированное сообщество. Хуже дело обстоит

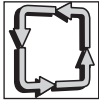
с тем, что раньше у нас было весьма развито, – с философскими проблемами естествознания. Я отвечал за этот раздел и столкнулся с тем, что очень сложно найти хороших авторов для подготовки статей в этой области. Старшее поколение уже в основном ушло, а молодежь не стремится заниматься этой проблематикой, которая требует хорошей ориентации в современной науке.

Есть трудности и с историей эпистемологии, особенно отечественной. Об этом уже говорили коллеги. Наши историки русской философии занимаются в основном религиозно ориентированными философами. Только работы Г.Г. Шпета и, до известной степени, Н.О. Лосского проанализированы неплохо. Конечно, не стоит ожидать, что ныне можно в полной мере опереться на отечественную эпистемологическую традицию, поскольку период развития теоретико-познавательных исследований в дореволюционной России был слишком краток. Но и изображать дело так, что кроме «цельного знания» или достаточно спорных идей русских космистов ничего не было, значит сильно искажать ситуацию.

Советский период, особенно 1920-е и 1950–1970-е гг., также мог быть представлен более полно и адекватно. Я соглашусь и с тем, что моя статья «Диалектический материализм» могла бы быть более полной и сбалансированной. Но я бы поспорил с С.А. Лебедевым относительно вклада марксистско-ленинской диалектики в теорию познания. На мой взгляд, ничего хорошего диалектический материализм в эпистемологию не привнес. Конечно, если отнести к «диалектикам» всех философов, занимавшихся в 1930–1980-х гг. вопросами онтологии и теории познания, то можно найти в их работах немало интересных идей. Но допустимо ли такое отнесение? К примеру, из тех людей, которых назвал Сергей Александрович, я очень хорошо знал В.С. Швырева и Л.Б. Баженова. Они не питали никакого почтения к диалектике и ничего позитивного из него не черпали. Диалектический материализм в его советском варианте – это не работы названных философов, а книги типа «Боевые вопросы материалистической диалектики» Митина, аналогичные тексты Кольмана, Максимова, учебники Константинова, Афанасьева и др. В свое время я внимательно прочитал немало такого рода литературы, и никто не убедит меня в том, что эта псевдофилософия представляет собой позитивный вклад в теорию познания.

Если упомянуть советский период добрым словом, то я бы отметил вот что. В те времена энциклопедические издания готовились при солидных издательствах, где работали прекрасные редакторы и корректоры, где тщательно сверяли цитаты, фактические данные и библиографию. Мы стремились отсутствие этого компенсировать в основном энтузиазмом авторского коллектива. Но это не всегда удавалось, о чем свидетельствуют прозвучавшие здесь замечания.

И.Т. Касавин: Обсуждение убедило меня, как важно не быть сто процентно серьезным даже при обсуждении таких серьезных вопро-

сов. Я, например, осознал верность следующего мнения: написать такого рода Энциклопедию значительно проще, чем ее переработать. Во-первых, когда пишешь, не знаешь, сколько сделаешь ошибок. Не знаешь всех проблем, с которыми столкнешься, когда появится готовый продукт и можно будет посмотреть любую статью со всеми ее достоинствами и недостатками, но уже как бы извне. И все это при том, что книга готовилась большим коллективом высококвалифицированных специалистов, с ними работали научные редакторы – члены редколлегии, немало технического персонала... Когда подводишь итог семи годам, в течение которых мы трудились над Энциклопедией, приходит в голову, что нужно было работать вдвое дольше. Ведь чем больше работаешь, тем больше встречаешь и создаешь проблем. Данная Энциклопедия – это тест, эксперимент, который дал нам срез нашего сообщества, в котором мы работаем, образ сообщества эпистемологов и философов науки. И это, на мой взгляд, весьма важный, пусть и не главный, результат нашей работы. Он нацеливает нас на критику и самокритику, а это – неотъемлемая часть рациональной философии, которая в свою очередь служила фундаментом нашей Энциклопедии.